

К. В. Вяткина

КУЛЬТ КОНЯ У МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

Лошадь, а в отдельных случаях баран, занимали существенное место в культуре животных не только у монголов, но и у других народов, главным образом кочевников.

Разведение лошадей и овец издавна имело первостепенное значение в кочевом хозяйстве скотоводов Центральной Азии. Этих животных можно было содержать на подножных кормах в течение круглого года. Передвижение на лошади способствовало большой подвижности кочевого хозяйства, быстрому перемещению кочевника с одного места на другое во всех необходимых случаях — при перекочевках, спасении от нападений врага и грабительских набегов, стихийных бедствий и т. д.

Лошадь давала кочевнику и пищу: мясо, молоко для кумыса; кожа ее использовалась для изготовления обуви и ремней, хозяйственных сосудов и т. п. Лошадь обязательно входила в уплату калыма за невесту.

Как находки лошади при археологических раскопках, так и значительное место, отводимое ей в быту и культуре различных народов Центральной Азии, свидетельствуют о распространении лошади на этой территории с весьма древних времен. Многочисленные археологические находки статуэток лошади и согребенный ее с человеком¹, а также этнографические материалы о культе коня у разных народов Центральной Азии дают основание предполагать отражение в этом культе глубоких пережитков, связанных с ранними этапами развития человеческого общества. Археологические памятники позволяют сделать заключение о том, что кочевое скотоводство, как способ производства материальных благ, наиболее отчетливо выступает в Азии к концу II — началу I тысячелетия до н. э. Кочевому скотоводству предшествовало приручение и первоначальное разведение домашнего скота, в том числе и лошади.

По данным монгольских исторических документов видно, что лошадь у монгольских народов была объектом почитания с давних времен. Так, из колофонов Чойджи Одзера (своего рода исторических комментариев начала XIV в.) узнаем, что Чингисхан повелевал чтить главу рыжих кобылиц, именуемую Чингир-хада, отчего якобы и всем мире и нарекли его Чингис-ханом².

Буряты, принадлежавшие к ясу (кости) Буин Ашебагатского рода, вели свое происхождение от жеребца рыжей масти³. Родовые традиции, связанные с особым отношением к лошади, можно проследить и по другим материалам.

У унгинских бурят, например, по описанию М. Н. Хангалова, существенное значение имела коллективная стрижка гривы и хвостов у лошадей в весеннее время. Для этой цели приглашались все соседи, иногда стрижка производилась всем улусом, для чего собравшиеся по очереди обходили за один день все хозяйства. При стрижке совершали обряд приношения белых волос и мяса лошади огню, а также брызгали тарасуном (водкой из молочных продуктов) по сторонам света. После этого устраивалось общее празднество⁴. Здесь со всей очевидностью выступают древние родовые традиции, связанные с лошадыю.

Важно отметить, что по представлениям монголов скот делился на две категории: «халун хошу мал» — букв. с «горячим дыханием (носом)» и «хитен (хуйтен) хошу

¹ См. С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948; С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951; С. И. Руденко, Горноалтайские находки в скифское время, М.—Л., 1952, и др.

² С. А. Козин, Общая характеристика свода монгольского эпоса о Гесере, «Изв. АН СССР», отд. литературы и языка, т. V, вып. 3, М., 1946, стр. 177.

³ Ю. Д. Талько-Гринцевич, Материалы к антропологии и этнографии Центральной Азии, вып. 1, Л., 1926, стр. 7.

⁴ М. Н. Хангалов, Молочное хозяйство у бурят, «Изв. Восточно-Сибирского отд. РГО», т. XXXI, 1900, № 1—2, стр. 148.

мал.» — «с холодным дыханием». В переносном смысле слово халун означает «близкий друг». Скот с «горячим дыханием», к которому относятся лошади и бараны, ценится выше. Их мясо считается полезным, «согревающим»⁵. Верблюды, козы и крупный рогатый скот обладают «холодным дыханием», мясо их признано «охлаждающим», мало полезным для человеческого организма; большим никогда не дают мяса этих животных. Термин «халун амитан» — букв. «горячее животное» — встречается и у бурят для наименования лошадей и баранов. Этот же термин «халу» или «халун» в значении «теплый», «свой» у бурят обозначает близких родственников, с которыми по законам экзогамии брак не допускался⁶.

Бурятский ученый И. М. Манжигеев, описывая янгутский род, указывает, что еще незадолго до Великой Октябрьской социалистической революции среди местных бурят были обоготворяемые сородичи, называвшиеся по-бурятски «халуунай», т. е. «свой», «единоутробный». Каждый род — «ураг» — имел своего халуунай, в честь которого устраивались общественные «хуудал тайлга» и индивидуальные жертвоприношения⁷.

Термин «халу», «халуи» (горячий, теплый единоутробный), прилагаемый как к близким сородичам, так и к лошади и барану, отражает древние традиции, связанные с представлением о кровном родстве сородичей с этими животными. Во время этнографических исследований в Монгольской Народной Республике мы часто встречали черепа лошадей на обо — культовых насыпях из камней на вершинах бывших родовых гор. По словам стариков халха-монголов, череп лошади, положенный на высоком месте, указывает на захоронение близкого, почетного человека.

В китайском сочинении «Записки о монгольских кочевьях» говорится: «При жертвоприношениях у киданей, совершавшихся при начале каждой войны, а также весной и осенью, употреблялась белая лошадь и черная корова, дабы сим показать, что они (кидане) не забыли о своем происхождении»⁸. Если учесть, что, по исследованиям В. С. Старикова и В. М. Надеяева, монгольский этнический пласт в числе прочих компонентов у киданей играл значительную роль⁹, то упоминание о жертвоприношении белой лошади, связанной с происхождением киданей, можно, вероятно, отнести к сведениям о предках монголов и о тотемистическом характере этих представлений¹⁰.

Огромное внимание, уделяемое лошади, особенно наглядно выступает в различных народных обрядах и поверьях. При исполнении старых свадебных обрядов у дербетов имел важное значение, по рассказам информаторов, момент оплаты «эхин су» — букв. молока матери, когда мать невесты обязательно одаривалась лошастью со стороны жениха. Это вознаграждение лошадью за материнское молоко является, возможно, отголоском древних представлений о лошади как предке рода.

Заслуживает внимания бурятский обряд «милангут», сохранявшийся до начала XX в., в котором важная роль отводилась пожилым женщинам и лошади. Милангут совершался через год после рождения ребенка (обычно первенца). У западных бурят он происходил так. Собирались сородичи и разбрызгивали тарасун, принося его в жертву высшим и добрым духам. Отец ребенка заготавливал угощение и пригонял табун лошадей. Главными распорядителями и участниками праздника были женщины. Они выбирали из табуна кобылицу, ловили и резали ее сами без участия мужчин. Сваренное мясо и «саламат» (мuku, прожаренную в сметане) родичи делили между собой и часть ее уносили домой. Старухам и гостям давали подарки от имени ребенка. К концу праздника женщины ставили у дверей караул из старух, которые должны были не выпускать из юрты никого, особенно мужчин. Женщины делали смесь из сажи и масла и ею мазали лицо и тело отца, а затем и всех мужчин, в первую очередь женатых, но бездетных. После этого обряда ребенок становился равноправным членом ро-

⁵ См. К. В. Вяткина, Монголы Монгольской Народной Республики, «Восточно-азиатский этнографический сборник», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. LX, М.—Л., 1960, стр. 165—166.

⁶ Б. Э. Петри, Брачные нормы у северных бурят, Иркутск, 1924, стр. 5.

⁷ И. М. Манжигеев, Янгутский бурятский род, Улан-Удэ, 1960, стр. 188.

⁸ «Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях». Пер. с китайского, П. С. Попова (далее: Мэн-гу-ю-му-цзи), СПб., 1895, стр. 267.

⁹ См. В. С. Стариков и В. М. Надеяев, Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма, М., 1964, стр. 23.

¹⁰ Почитание черной коровы как предка возможно связано с тотемистическим предком тюркских народов. Например, огузы, в этнической истории которых отмечаются компоненты монгольские и тюркские, почитали быка. Буряты-эхириты, одним из этнических компонентов которых являются ойраты, также до самого начала XX в. почитали быка — Буха-нойна.

Г. И. Рамstedт, анализируя слово «ойрат», отождествлял его с древнетюркским названием «огуз» (см. Г. И. Рамstedт, Этимология имени ойрат. Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина, СПб., 1909, стр. 557).

да¹¹. Существенную роль при совершении милангута играли подарки со стороны отца ребенка, прежде всего подарки пожилым женщинам. На наш взгляд, в этом обряде проявляются пережитки выкупа ребенка родом отца у рода матери. Обращает внимание и потребление мяса лошади (кобылицы), которая, как мы уже говорили, осмыслась, возможно, тотемным животным. Показательно, что у тункинских и некоторых других бурят калым обозначался словом «адуун» («басагани адуун») — букв. «табун кобылиц с жеребцом во главе». Роль лошади подчеркивается у монголов и при «анда» — побратимстве. Так например, в «Сокровенном сказании» говорится, что когда Темучин опоясал при побратимстве Чжамуху золотым поясом и подарил кобылу, то Чжамуча одарил Темучина также лошадей¹².

Представление о связи человека с тотемом находит отражение в идее их взаимной магической зависимости¹³. Конь в эпосе монгольских народов, в том числе у бурят, паделался способностью мыслить, советовать, предупреждать и спасать человека от опасности. В свою очередь, человек путем различных церемоний и жертвоприношений тотема старался якобы воздействовать через него на божество в целях умножения своих богатств и достижения благополучия. Если у северных бурят в семье заболел кто-нибудь, или если нужно было умиловить одно из божеств, то устраивали обряд «кырык», во время которого шаман приносил в жертву определенное число лошадей или баранов (быков и коров в жертву никогда не приносили).

Для варки жертвенного мяса и сжигания костей обязательно разводился семейный (родовой) огонь, который переносился на место кырыка при помощи головешки или сухого помета¹⁴.

Приношение в жертву лошади, а в отдельных случаях и барана во время шаманского обряда «тайлга» у бурят и древних монголов осуществлялось близкими родственниками и отражало представление о животном как о сородиче и живом воплощении своего тотема.

Каждый член рода, поев мяса жертвенного коня или барана, якобы укреплял свою магическую связь с тотемом, приобретал его свойства. Нужно отметить, что в повседневном быту монголы лишь в крайних случаях употребляли в пищу мясо лошади. Однако при исполнении некоторых обрядов, например во время обряда гайлиги, как у бурят, так и у алтайцев мясо принесенного в жертву коня обязательно делилось между всеми сородичами.

Небезынтересно отметить встретившийся нам в легендах, записанных в восточной части МНР, культ «небесных коней». Этот культ, как указывает С. П. Толстов, нашел отражение в сведениях о верованиях народов Средней Азии Кангюйско-Кушанского периода, о чем свидетельствуют китайские источники. Упоминания об этом культе встречаем уже в Шицзи и Цяньхань-шу в отчете о путешествии Чжан Цяня. От «небесных коней» информаторы Чжан Цяня вели происхождение знаменитых ферганских «потокровных лошадей», бывших причиной первых китайских походов на Фергану в конце II в. до н. э.¹⁵

В бурятском эпосе конь героя всегда спускается с неба или рождается по повелению богов¹⁶. В легенде, записанной нами в 1949 г. в Мөнгөн морито сомоне Центрального аймака МНР, говорится о двух небесных девах, у которых родились сыновья, очень похожие друг на друга. С неба к ним спустились две лошади в полном снаряжении: золотая лошадь старшему брату и серебряная — младшему.

Сам сомон, именуемый «Мөнгөн морито», букв. «сомон, имеющий серебряную лошадь», находится у подножия горы того же названия, весьма почитавшейся ранее населением.

Мотив обитания небесных коней на священных горах не нов для Центральной Азии, например в «Таншу» (VII—VIII вв. н. э.) в рассказе о Тухоло (Тохаристане) имеются сведения о небесном коне, жившем якобы на южном склоне горы Поли. Жители пасли у этой горы кобылиц, от которых и родились драгоценные, «потокровные» лошади¹⁷.

Следует обратить внимание на слово мөнгө или мөнгөн — серебро, серебряный. В «Записках о монгольских кочевьях» говорится, что ньюн-чжи, бывшие соперниками до-

¹¹ М. Хангалов, Валаганский сборник, «Труды Восточно-Сибирского отд. РГО», т. V, 1903, стр. 248; см. также: «Изв. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии», серия II, 1913, № 2, стр. 95.

¹² С. А. Козин, Сокровенное сказание, М.—Л., 1941, стр. 106.

¹³ С. А. Токарев, Религия в истории народов мира, М., 1964, стр. 28—29.

¹⁴ Б. Э. Петри, Элементы родовой связи у северных бурят, Иркутск, 1924, стр. 12.

¹⁵ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 303.

¹⁶ Г. Д. Санжеев, Эпос северных бурят. Аламжи Мэргэн. Бурятский эпос, М.—Л., 1936, стр. XIII.

¹⁷ Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1950, стр. 321.

ма Ляо, дали своей династии название Цзинь — золото, а дада, связываемые источниками с представителями монгольских народов приняли для своего дома имя Мэн-гу, что значит серебро¹⁸. Учитывая большую роль лошади в культе монгольских народов и связь его с тотемистическими представлениями, становится понятным и почитание священной горы Мэнгөн морито ула, на которой якобы обитает серебряная лошадь.

Особое отношение к лошади нашло отражение и в материальной культуре. Так, у бурят наряду с обычной коновязью были «сэргэ» — столбы конвязей, священные, по представлению бурят. Считалось, что от них зависело счастье дома. Сэрге имели большей частью форму трех округлых головок, возвышающихся одна над другой; конец верхней был заострен. На месте их соединения делались зарубки, за которые привязывались лошади. Сэрге ставили или при свадьбах, или в память шамана, или посвящали духу-покровителю. В последнем случае они назывались «бариса». Проезжая мимо сэрге, буряты останавливались, произносили молитву, брызгали вином, оставляли здесь табак и другие предметы. Коновязи эти сохранялись очень долго, часто их можно было встретить одиноко стоящими в степи на том месте, где раньше была юрта или усадьба.

В дальнейшем коновязь ставилась лишь в случае свадьбы родными невесты, и по числу коновязей можно было судить о числе выданных дочерей. Приехавший сват привязывал своего коня ко второй зарубке, простые смертные — к нижней зарубке, а к верхней привязывали, якобы, своих невидимых коней духи и божества, присутствовавшие на торжестве¹⁹.

Ножкам деревянной посуды, коробок, почетным вешалкам в юрте, на которые вешалось оружие, буряты придавали форму голов, ног, копыт лошади²⁰, осмыслявшихся не как просто лошадиные, а обязательно кобыльи, в чем, возможно, отражалось представление о кобылице как родоначальнице.

У всех монгольских народов были окружены почетом и ремесла, связанные с лошадыю: выделка потников, изготовление и ornamentация сбруи и др. Любопытно, что у монголов и бурят покроем обшлага — «нудрага» на рукавах старой мужской и женской одежды имел форму конского копыта. В современном монгольско-русском словаре «туррай» означает не только копыто, но одновременно обилаг или отворот²¹.

У западных бурят, как мы выяснили во время работы в Бурятии, невеста, выезжая в дом жениха, должна была вместе с «хэгэньк'ом» (стрелохранилищем) привозить еще «дэрэ» — подушку, изготовленную обязательно из лапок барана или жеребенка.

Почитание лошади нашло отражение и в предметах шаманского культа. Так например, «морин хорбо» — конная трость (жезл), заменявшая у бурятских шаманов бубен, всегда имела на верхнем конце изображение лошадиной головы. По народным представлениям, эта трость была конем — другом и советником, на котором шаман во время камлания якобы поднимался на небо, высокие горы и т. д.

Следует сказать и о широко распространенном у монгольских народов «морин хуре» — струнном музыкальном инструменте, увенчанном резным изображением одной или нескольких конских голов. Он обычно был неотъемлемой принадлежностью народных певцов, и сказителей былин.

Число примеров, связанных с особым отношением монгольских народов к лошади, можно было бы увеличить, однако и в тех, что приведены, достаточно убедительно вырисовывается культ лошади. Комплекс верований, связанных с ритуалом жертвоприношений лошади, встречается у многих народов Азии.

С. П. Толстов, отмечая многочисленность находок статуэток животных (первое место среди которых занимает лошадь) на городищах античного Хорезма, указывает, что это достовернее всего может быть разъяснено в свете тогемистических верований в быту древних хорезмийцев²².

В настоящей работе мы не рассматриваем аналогичные материалы по тюркским народам. Между тем и у этих народов прослеживается ярко выраженное особое отношение к лошади, а в отдельных случаях и к барану.

Например, большой интерес представляет сходство некоторых шаманских обрядов у южных алтайцев и бурят, многие элементы которых восходят к глубокой древности. Рассмотрим обряд тайлга, сохранявшийся вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции у западных бурят и у южных алтайцев. Под термином «тайлга» или «тайлган» подразумевалось как священное место, где совершался обряд и сам процесс

¹⁸ Мэн-гу-ю-му-цзи.

¹⁹ Ю. Э. Петри, Внутривидовые отношения у северных бурят, «Изв. Биолого-географического научно-исследовательского ин-та при Иркутском государственном университете», т. II., вып. 3, 1926, стр. 68.

²⁰ И. М. Манжигеев, Указ. раб., стр. 84.

²¹ А. Р. Ринчинэ, Краткий монголо-русский словарь, М., 1947, стр. 216.

²² С. П. Толстов, Указ. раб., М., 1948, стр. 206—207.

принесения жертвы коня, иногда барана, так и сооружение в виде шеста из березы. Шест укреплялся наклонно или вертикально, на нем развешивали шкуру жертвенного животного так, чтобы голова была направлена вверх к небу. У иркутских бурят березка с надетой на нее шкурой животного называлась еще «зухэли».

Тайлган у бурят представлял собой общественное жертвоприношение, в котором участвовал один или несколько родов. Как сам термин «тайлга», так и весь ритуал жертвоприношения был сходен с подобным обрядом у южных алтайцев. В современном алтайском языке слово «тайг» имеет несколько значений: 1) дядя по матери, родственники по матери; 2) жеребенок на втором году жизни; 3) приносить жертву²³. Близкие термины в значении «приносить жертву», «совершать жертвоприношение», «читать» — встречаются и у монголов. Так например, Б. Я. Владимирцов приводит с указанным значением термины: «тауи» в письменном языке, «тае» — у халха-монголов, «тай» — у байтов²⁴.

В том же значении слова тайга встречается и в современных бурятских и монгольских словарях²⁵.

Все вышесказанное, несомненно, отражает очень древний родовой характер тайги. У нас нет точных данных о времени появления этого ритуала у бурят и южных алтайцев. Жертвоприношение «тайных», встречающееся у хакасов-качинцев и бельтиров, как по названию, так и по существу обряда было сходно с алтайской и бурятской тайлгой. Об обрядах, напоминающих тайлгу, есть сведения и в древних источниках. Прямых указаний на бытование подобных обрядов у монголов мы не имеем, однако в древности они, по-видимому, были и у них.

Как указано выше, у иркутских бурят березка с надетой на нее шкурой животного называлась зухэли. К этому термину фонетически близко слово «чжугели», которое упоминается в «Сокровенном сказании» как название монгольского родового жертвоприношения. В словаре, прилагаемом к переводу этого памятника, С. А. Козин поясняет, что «jikeli» — это жертвоприношение небу, совершаемое путем подвешивания мяса на шесте (родовое жертвоприношение), «jükiüi» — баран, насаженный шаманом на шест, заклятие²⁶. Таким образом, в приведенных примерах описывается древнее родовое жертвоприношение типа тайлги.

У монголов и тюрков жертвоприношения лошадей и вывешивание их шкур на шестах производились не только на родовых празднествах, но и на похоронах. Так например, В. Рубрук в XII в. писал о команах: «Я видел одного недавно умершего, около которого они повесили на высоких жердях 16 шкур лошадей, по четыре с каждой стороны мира»²⁷. Аналогичный обряд, как указывает Л. П. Потапов, сохранился у южных алтайцев до XIX в. и назывался «койлого», а лошадь, которую убивали при похоронах, именовалась «койло ат»²⁸. Термины, сходные с алтайскими, встречаются и в монгольском языке. У монголов, как указывает Галсан Гомбоев, лошадь, сопровождавшая покойника, называлась «хойлган мори». Эту лошадь убивали, мясо ее съедали, а «кожу, набивши, поставляли на могилу»²⁹. В том же значении этот термин знали буряты Кудинского ведомства³⁰. В современном бурятском языке слово «хойлго» встречается как устаревшее: так шаманы называли лошадь, на которой отвозили умершего³¹. Под именем хойлга, как сообщает Санан Сэцен (XVII в.) в летописной хронике «Эрдения» тобчи»³² известно также название обычая погребения лошади с покойником. Приведенные обряды, сходные у монгольских народов, а также у южных алтайцев и других тюркских народов, очень древнего происхождения. Возможно, источником их у предков тюркских и монгольских народов была общая домонгольская и дотюркская стадия общественного развития.

²³ Н. А. Баскаков и Т. М. Тошаклова, Ойротско-русский словарь, М., 1947, стр. 137, 139.

²⁴ Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия, Л., 1929, стр. 271.

²⁵ К. М. Черемисов, Бурят-монгольско-русский словарь, М., 1951, стр. 424; «Монгольско-русский словарь». Под общей редакцией А. Лувсандэндэва, М., 1957, стр. 386.

²⁶ С. А. Козин, Сокровенное сказание, стр. 613.

²⁷ «Путешествие в восточные страны Плато Карпини и Рубрука», М., 1957, стр. 102.

²⁸ Л. П. Потапов, Очерки по истории алтайцев, М.—Л., 1953, стр. 147.

²⁹ Г. Гомбоев, О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плато Карпини, «Труды Восточного отделения Российского Азиатского общества», IV, 1859, стр. 252.

³⁰ Братский, Среди бурят Кудинского ведомства Иркутского уезда, журн. «Сибирские вопросы», 1910, № 45—46, стр. 79.

³¹ К. М. Черемисов, Бурят-монгольско-русский словарь, стр. 574.

³² См.: I. Schmidt, Geschichte der Ost-Mongolen, St.-Pet., 1829 S. 235.

Можно полагать, что приведенные материалы, отражающие традиции древних времен, служат подтверждением того, что на заре человеческого общества оно осознавало себя как часть коллектива, включающего не только людей, но и животных — источник существования первобытного человека. Хорошо известно, что Ф. Энгельс отнес начало одомашнения скота уже к эпохе господства матриархальных форм семейно-родовых отношений³³ и родовой формы собственности. Примером осмысления лошади как предка или как прародительницы служат обряды эхийн су, милангут, наименование обряда тайлга и лошади термином, которым называют и родственников со стороны матери, почитание у монголов главы рыжих кобылиц и у киданей — белой лошади, обозначение у бурят и монголов одним термином «халу» и лошади, и близких родственников.

Часто встречаемые у монголов черепа лошади на обо — культовых каменных насыпях на вершинах почитаемых гор, — могут, вероятно, служить указанием на ритуальную заботу о тотемном предке.

Генетически с лошадей-тотемом связаны, очевидно, ритуальные жертвоприношения, погребальные обряды, а также и изображения ее на предметах материальной культуры.

---

³³ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 160, 162.